

ТАНЦЕВАТЬ «СТИЛЕМ» ЗАПРЕЩАЕТСЯ

Категоричность и жизнь

Объявление было императивным: «Танцевать «стилем» запрещается». Тех, кто пренебрег повелительностью данного указания, из зала районного Дома культуры выводили. Дружинники, милиционеры, добродетельные блюстители нравственности и целомудренной чистоты современного бала — все были мобилизованы и брошены на борьбу со «стилем». И все-таки произошел, правда, совсем неожиданный конфуз. Среди пришедших на клубную танцплощадку многие вообще не знали, что такое «стиль».

Но упомянутый запрет, будучи вывешен на все глаза и наделенный всеми свойствами наглядной агитации плаката, свое благородное дело сделал. Заинтересовал. Нацелил. И оказался действенным. Все непосвященные решили немедленно ознакомиться со «стилем». Дотошная пошла молодежь. «Хочу все знать» — ее девиз. Кроме того, по энергии своей, по уму своему она стремится к самостоятельности мышления и суждений. И нельзя не считаться с этой органической тягой. Даже сталкиваясь с такими, казалось бы, безобидными вещами, как вышеприведенное клубное объявление, мы должны видеть последствия, к которым может привести его неумная императивность — запрет танцевать «стилем».

— Я сам! — говорит юнец и стремится узнать, что же это за штука такая и как с ней (нет, не бороться), а познакомиться и освоиться.

Оказывается, «стиль» имеет свои глубокие корни, свой генезис-происхождение и даже свою географию.

Когда я был в Ливане, мне хотелось жить подальше от европеизированного центра Бейрута: хотелось тишины — необходимого условия для работы. Мне показалось, что отель «Биарриц», расположенный на окраине, омываемый морем, окруженный зеленью, — подходящее место. Как я обманулся! То есть шесть дней в неделю все более или менее соответствовало моим ожиданиям. Но зато «день седьмой» стоил дорого. Я проснулся от воплей, диких взвизгиваний и стонов людей и музыки. Мне казалось, что происходит какие-то ресторанные скандалы, поножовщина, оргии. Выяснилось, что по пятницам ресторан вообще закрыт, но... закрыт именно потому, что сдается любителям рок-н-ролла.

С балкона второго этажа я мог, будучи невидимым для танцующих, наблюдать их целый вечер и даже всю ночь. То были молодые люди. Наверное, многие из них студенты, неплохие ребята. Вероятно, им было очень скучно жить. Я уже немного знал тамошнюю действительность и, конечно, хорошо знал по нашему опыту, что захватить молодежь может только размах жизни, ее величественные, овеянные романтикой подвиги перспективы. Конечно, бейрутские юноши и девушки таких перспектив лишены. И не только бейрутские. Именно в этом — одна из причин рождения нелепых, жалких, но динамичных, имитирующих веселье танцев, вроде рок-н-ролла.

Родившись в США, он получил наибольшее распространение не по месту происхождения, а в странах, зависимых от США и подражающих им в моде и утрачивающих ее. В этом я убедился и в Ливане.

Итак, все начиналось с того, что в полутьме, под аккомпанемент «томно-эротической» музыки, словно скользкие водоросли на илстом, топком дне, раскачивались силуэты. Постепенно в зале прибавлялся свет, убыстрялась музыка и темп танца. Все происходящее напоминало шаманство, пляски дerviшей, которые сами себя доводят до состояния временного помешательства. Тогда, в Бейруте, я подумал: не случайно именно в нечистых, как сказали бы прежде, в греховных местах рождаются такие «танцы»: они выражают нечистые чувства, грязные инстинкты, скудость мысли, нищету духа. И в то же время у них есть привлекательность забвения, в котором, очевидно, нуждаются те, кто

обречен на безрадостное, бесперспективное существование: привлекательность бешеного ритма, в какой-то мере отвечающего ритму тамошней жизни — жизни острой, тревожной, угловатой.

Танцы, рожденные в таких условиях, не просто уродливы. Они даже иногда бывают и красивы — например, тот же рок-н-ролл, исполненный людьми натренированными, спортивными, с хорошо развитым чувством ритма, может привлечь внимание не только потому, что его запретят танцевать, но и по своим исполнительским качествам. И если бы все дело заключалось в том, что современные западные танцы уродливы, — их довольно легко можно было бы победить. Сложность же нашей задачи в том, что предстоит борьба не только этическая, но и эстетическая.

Да, это очень серьезно!

Пренебрежение к тому, что танцует наша молодежь, достигло геркулесовых столпов. Снобистское отношение к созданию новых бытовых танцев в среде специалистов-хореографов укоренилось прочно и, как кажется, уже навсегда. А между тем высокомерное отношение к решению этой задачи оборачивается против самих хореографов: одна из причин, по которой с таким скрипом, трудом и без особо радостных результатов создаются балеты на современные темы, состоит в отсутствии современных бытовых танцев.

Вскоре после войны мне довелось видеть балет, в котором советские офицеры на Красной площади, спускаясь к набережной Москвы-реки, отплясывали мазурку. Это было уморительно-смешно, но еще более печально. Постановщика даже трудно было обвинять в архаичности и непонимании духа нашего времени, характера советского человека. И впрямь, что было танцевать на сцене офицерам — победителям фашизма, если их реальные прототипы не знают таких танцев, которые выражали бы именно их чувства, их эмоции?..

Таким образом, не создавая новых, отвечающих нашему времени танцев, мы обкрадываем не только молодежь. Мы обкрадываем и самих себя — наше профессиональное искусство, обрекая современный балет на использование одной лишь «чистой классики», которая, право же, при всем своем совершенстве нуждается в дополнении таким сценическим танцем, который подсказан самой жизнью.

Кроме того, не надо забывать, что всякий хороший бытовой танец с течением времени становится интересным для сцены и для зрителей уже одним тем, что он был создан когда-то давно, несет на себе отпечаток того времени, свидетельствует о своей эпохе...

Есть и еще более серьезная сторона вопроса о бытовом танце. Мы почему-то забыли, что он формирует нравы, что он влияет на развитие вкуса, создает настроение. Танец оказывается одним из средств воспитания, и если средство это не будет использовано нами — его обязательно используют наши идеологические противники.

Глупо недооценивать прелесть фокстрота или бостона. Я видел англичан, которые выступали у нас в Москве во время международного молодежного фестиваля. Фильмы с Фредом Астором и то, как он танцует, пленяют. Но весь этот фразный шик, весь этот внешний лоск, вся эта «карикатурная показуха» чужды нам именно этически.

Нашему балету, народному сценическому танцу аплодируют во всем мире. Русский, советский балет, наши ансамбли — синоним успеха. В чем его причина? Не только в мастерстве. Мне приходилось видеть на Западе исполнительниц, в совершенстве владеющих пресловутой классической техникой. Однако я

Игорь МОИСЕЕВ,
народный артист СССР

никогда и нигде не видел таких триумфов, не слышал таких восхищенных и

прочувствованных слов, не наблюдал такой искренней взволнованности, как тогда, когда выступали советские артисты, мастера советского танца. Им аплодировали прежде всего за ту «нравственную настройку» — за тот оптимизм, радость жизни, веру в ее победительную силу, которую несет с собой наше, отечественное искусство. И я уверен, что будь у нас свои бытовые танцы, они так же побеждали бы мир, как наше профессиональное танцевальное искусство, как наша музыка, наши песни.

«Полюшко», «Катюша»

И «ТВИСТ»

Как же так случилось, что мы — богатая профессиональной хореографией — столь бедны в хореографии бытовой? Почему египетские студенты, с лопатами и кирками на плечах шедшие на восстановительные работы в Порт-Саиде, пели «Катюшу» и «Полюшко-поле», почему в рядах неаполитанцев с плакатами о мире и работе слышались «Подмосковные вечера», но нет ничего столь же популярного в сфере бытового танца?

Хотя в области современного бытового танца у нас делается очень мало, молодежь не перестает любить танцы. Напротив, она с тем большей силой стремится к танцу, чем меньше находит его в своем быту, чем чаще слышит эти ханжеские «танцевать «стилем» запрещается!» Здоровое, естественное стремление к движению, к музыке, к нарядной праздничности бала обращается порой в собственную противоположность, и мы — хореографы — несем за увлечение молодежи пошлостью, уродливым динамизмом «рокка» и «твиста» всю полноту ответственности.

Запрет стал единственной формой, самым распространенным методом борьбы со «стилем» современных западных танцев. А противопоставить запрету — нечего.

Печать времени отличает всякий танец. Западный привлекателен уже тем, что он, в отличие от па де зефира, живой, а не мертвый. Преимущество немаловажное! Современный ритм, экспрессия, простота усвоения основных па — вот что манит к западному танцу. Но любого человека со здоровым вкусом оттолкнет его сексуальность, его нарочитая интимность, изолированность от всех и вся, демонстративное презрение к общественному началу. Победить все это можно, но не запретом, а созданием новых танцев — новых в самом глубоком, полном значении слова, новых по строю чувств, по мироощущению и по выражению этой духовной сути в движении. Дух товарищества, доброта и сердечность, наш советский динамизм, свободный от

механичности Запада, овеянный энергией и жизнелюбивостью молодости, станет сутью нового танца. Танца простого, привлекательного, доступного огромной аудитории. И не одного, а десятки новых, советских танцев, которые победят и «забьют» все «стили»!

Автора!

Смешно думать, что танец рождается сам по себе. В искусстве так не бывает. Каждый танец имеет автора, и не беда, что эти авторы безымянны — главное, что их творения приняты народом, стали его достоянием. Тем не менее сейчас, как мне кажется, необходимо привлечь к созданию бытового танца совершенно конкретных и многих людей.

Усилия энтузиастов из домов народного творчества остаются и неизбежно будут оставаться втуне и впредь: здесь мало настоящих специалистов, а те, что есть, живут трудно. Условия, в которых они работают, мешают им сочинять танцы и их пропагандировать.

Но это только одна сторона вопроса. Другая же заключается в том, что все работающие в столь трудной и ответственной области — материально совершенно не поощряются. Проблема материальной заинтересованности — не безделица. Нельзя, чтобы хореограф, сочинив танец, не получил за это вознаграждения так же, как получает его композитор за симфонию или песню, писатель — за роман или пьесу. Ставя так вопрос, я лишь хочу подчеркнуть, что за труд надо платить. А сочинение танцев — труд большой, иногда мучительный и, как мы видим, далеко немаловажный.

А теперь предположим, что, наконец, появился самый наилучший, самый современный советский танец. Он не дойдет до масс, если его не пропагандировать нужным образом: непосредственно в клубах и на танцплощадках, по телевидению и в кино. Кто будет это делать? У нас мало людей нужной квалификации, мало тех, кто быстро и хорошо может научить правильно танцевать. Странный парадокс: для танца сценического мы готовим (и правильно делаем) массу людей в специальных вузах и школах; для создания и пропаганды танца бытового у нас нет специалистов: никто их не воспитывает, никто не готовит.

Много полезного можно ждать от конкурсов танцевальной музыки. У нас имеется чудесный опыт: конкурсы песен дали великолепные результаты. Загадательная мелодия, ритм простой, но не дающий «усидеть на месте», породит танец. Такая музыка должна прозвучать по радио, как «присланная на конкурс», лучшие сочинения следует премировать, записывать и выпускать в миллионном тираже пластинок.

Вот если наши хореографы и композиторы, перестав парить над общественно-социальными проблемами, связанными с созданием бытового танца, поймут, как важно их решить сообща, «всем миром»; если организовать это дело как следует — мы решим, конечно, задачу создания новой бытовой хореографии.

Известия
г. Москва

28 апр 1962